

Сергей Солоух

Товарищ Бендер

Эти слова с самыми ироническими намерениями вложили в уста Мадам (да-да) Грицацуевой авторы блестящих «Двенадцати стульев» Илья Ильф и Евгений Петров. И, вроде бы, действительно потешно. Нашла товарища!

Между тем в России, в отличие от прочих совершенно уже стандартизированных стран всемирного кондоминиума истину, как правило, глаголет вовсе не младенец, а толстая и незамужняя по большей части женщина, и даже совсем необязательно певица. Такая уж у нас в России муза. Моссельпромовская. И вот она, широкий и вместе с тем тонко чувствующий и правильно настроенный организм, ни одной секунды не сомневалась, О. Бендер — вполне себе товарищ, вполне себе из тех высоких и красивых, что время от времени «томятся на заседаниях Малого Совнаркома».

И если на этот счет у авторов «Двенадцати стульев» какие-то сомнения еще имелись, то выветрились полностью к моменту завершения «Теленка». Вечный зов подлинно нежной и удивительной с вареньем, сушками и чаем заставил Илью Ильфа и Евгения Петрова решительно отказаться от первого, закрытого финала книги с женитьбой на Зосе С. и окончательным превращением О. Бендера в гражданина, Никиту Пряхина и Митрича. Подобным образом мог поступить ловкий французский беллетрист, но никак не наслед-

---

© Sergei Soloukh, 2010

© TSQ 32. Spring 2010.
<http://www.utoronto.ca/tsq/>

ники великой русской литературы, они так просто концы не рубят и воду не сливают. Да. Летчик Севрюгов еще обязан был над Бендером раскинуть пару красноезвездных крыльев. И сердце, пламенный мотор, большой как у теленка, употребить.

Рачительнее став, хозяйственнее в огне пятилетки Илья Ильф и Евгений Петров не поспешили в очередной раз без толку, буквально задарма прирезать персонажа, или же выхлопотать для него пулю румынского городского. Родная литература, любительница поест и погрузить, сама уже не позволяла пришить достигшего почти что полного развития героя, такого нужного стране как раз в задорный, боевой, когда буквально все решают кадры, реконструктивный период. Командора? У которого и острый взгляд пронзает каждый атом, и каждый нерв решимостью одет? Назад его и в дело! Действительно, какой же полнотелый наш роман без очищения, раскаяния и воскрешенья главного героя?

«Он запрыгал по раздвигающимся льдинам, изо всех сил торопясь в страну, с которой так высокомерно прощался час тому назад. Туман поднимался важно и медлительно, открывая голую плавню.

Через десять минут на советский берег вышел странный человек без шапки и в одном сапоге. Ни к кому не обращаясь, он громко сказал:

— Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы».

В товарища, немедленно и сам собой выстраивается синонимический ряд, от управдома с управделами до Главначупра. Оставили в живых О. Бендера, смирились с железной волей кириллического письма объемом превышающего 40 авторских листов. Но тут же, кажется, испуганные силой и неотвратимостью этой великой русской поэтической логики Ильф и Петров остановились. С одной стороны задним числом признать правоту оракула-торговки без талии, но с

крепкими щеками как-то неловко и неприятно, даже, если так вышло, волею судеб сам с ней обручен. С другой стороны, печальна в русской литературе судьба автора, который лирическому чувству попустив, авантюриста и прохвоста отправляет в горнило нравственного, пусть и не вполне социалистического, но тем не менее перерождения. Пепел Павла Ивановича Чичикова буквально стучал в виски.

Но то, что испугало и заставило Ильфа с Петровым вопреки долгу замолчать, оставить нитку в прялке, недомотать, не сделать из дилогии трилогию, совсем не испугало крепкого современника двух пересмешников, Александра Бека. Автора романа «Жизнь Бережкова», чуть позже названного и ярче, и короче «Талант». В пандан, поэзия нас снова убеждает в неслучайности и строгой закономерности всех своих связей, к первому рабочему названию романа Ильфа и Петрова «Великий комбинатор».

Действительно, бековский «Талант» — текст, если не следующий, то безусловно параллельный ильфо-петровскому «Теленку». И, кажется, порой, как ребусы забывчивого, но трудолюбивого Синицкого они разнятся лишь зачином. Где первый слог мычал в хлеву, теперь пусть будет англичанин. И в самом деле, фамилии героев на «бе» и «бен» легко переставляются, контекстной целостности не нарушая.

«На вокзале он долго крутил ручку телефона, упорно добиваясь соединения сначала с городом, потом с квартирой. Аппарат был очень старый, дореволюционного выпуска фирмы „Эриксон“, в громоздком деревянном футляре, укрепленном на стене. Такие аппараты давно уже вывелись в столице, но ими еще пользовались в провинциальных городах. По остаткам исцарапанного, кое-где вовсе облезшего лака еще можно было представить, как блестел когда-то, лет двадцать назад, светло-коричневым глянцем этот ящичек. В трубке что-то трещало, заглушено слышались чьи-то голоса, потом вдруг, как бы ни с того ни с сего, контакт прерывал-

ся, пропадал всякий живой звук, даже слабое гудение тока. Бендер осмотрел трубку, нашел разболтанный, шатающийся винт со сработанной нарезкой, потянулся было в карман за перочинным ножом с разными отвертками, но... Но улыбнулся и присвистнул.

— Ларец с секретом, — пробормотал он и, попросту прижав пальцем винт, снова стал звонить.

Наконец сквозь шумы и треск в трубке раздалось:

— Слушаю...

Наш герой почти пропел:

— Владимир Георгиевич?

— Да. Кто говорит?

— Владимир Георгиевич, я только что с поезда. У меня к вам письмо из Москвы.

— От кого?

Бендер предпочел пока избежать ответа. Он слегка оттянул винтик. Тотчас в мембране стало мертвенно тихо. Снова нажав, он продолжал взывать:

— Алло! Алло!.. Владимир Георгиевич, вы?

— Да. Вас плохо слышно.

— Письмо в голубом конверте! — кричал Бендер. — И книга для вас с надписью. Разрешите, я вам привезу.

Однако главный инженер завода, видимо, оберегал свой воскресный отдых. Он сухо сказал:

— Извините, сейчас у меня доктор... Я попросил бы...

Бендер решил не услышать продолжения этой фразы. Снова чуть двинулся винтик в его пальцах. Через секунду он опять кричал:

— Алло! Алло!.. Книга для вас с надписью: „Нежному поклоннику и рыцарю“.

— Как, как?

— „Нежному поклоннику и рыцарю“.

— Но от кого же?

— Владимир Георгиевич, я не могу кричать об этом на всю станцию. Разрешите к вам заехать.

— Но вы-то кто?

— Что? Что? Я ничего не слышу.

- Я спрашиваю: с кем имею честь?
  - Да, адрес есть.
  - С кем имею честь?
  - Лошадей? Не беспокойтесь, доеду на извозчике.
  - Фу... Ну, приезжайте.
- Опустив трубку, Бендер тоже выдохнул:
- Фу-у-у... Техника на грани фантастики».

Да. «— Собственно говоря, хвастаться нечем, комбинация простенькая. Но опрятность, честность — вот что дорого.» «— Сани с самоваром. Конструкция Бережкова. Гениальнейшая выдумка, — с комически унылым видом произнес он. — Когда-нибудь я вам особо доложу об этом конфузном происшествии».

И впрямь, «Жизнь Бережкова» с «Великим комбинатором» смешивается без труда. Рассказ о талантливом инженере, с наклонностями авантюриста и махинатора, с историей талантливого...Кого? Заминка? Да нет же, дар очевиден, сейчас это называется простеньким однокоренным словечком — менеджер, а тогда, во времена Ильфа-Петрова-Бека, употреблялись все больше сложно-составные сочетания — комбриг, комкор, нарком, организатор, в общем, с наклонностями сказку сделать былью. Ну или выдать одно за другое. Бросая ввысь свой аппарат послушный, или творя невиданный полёт...

«Приподнявшись, Ганьшин близоруко огляделся.

— Чего тебе? — проворчал он.

— Сегодня у нас ночь рассказов. Познакомься. — Бережков представил меня. — Если я что-нибудь совру, подымай ногу!

— Заранее поднимаю!

И в воздухе заболталась нога в коричневой штанине».

«— Не сердитесь, Зося, Примите во внимание атмосферный столб. Мне кажется даже, что он давит на меня зна-

чительно сильнее, чем на других граждан. Это от любви к вам. И, кроме того, я не член профсоюза. От этого тоже.

— Кроме того, еще потому, что вы врете больше других граждан».

Сходство ходов и переключка характеров очевидны. Еще очевиднее индентичность главного конфликта двух авантюрных романов, лишь в силу внешних, случайных обстоятельств принимающих форму один производственного, а другой комического, — свободный индивидуалист пытается тягаться с организованнм коллективом.

«Конструктор должен быть свободным» записывает в совсем дневнике юноша Бережков. «Моя профессия — фантазер... Конструктор-фантазер. Хорошо бы иметь свою контору с очень скромной вывеской «Принимаю заказы. Конструкторски разрабатываю всякие фантазии».

«Я — свободный художник» — интимно объясняет Остап свой модус операнди А. И. Корейко, «Свободный художник и холодный философ».

Он должен проиграть, таков императив эпохи. И он проигрывает. У Ильфа и Петрова перед лицом Сигуранцы, а у Бека под лампой следователя ГПУ. Бендер не уезжает в Рио-де-Жанейро, а Бережков, подобно Сикорскому и тысячам других талантов, в Денвер или Лос-Аламос. Остаются оба. И дальше, дальше традиция большой литературы большой страны, дама в семейной ночной сорочке и с низкой истиной железных бигудей по огибающему голову периметру, взыскует переосмысления с последующей переплавкой и встройкой в коллективный быт. «Талант — это обязанность» — записывает в дневнике мужающий Бережков, примерно тоже самое и побежденный Бендер говорит, с остаточной, прощальной уже усмешкой — согласен в оправдомы. Обязанности исполнять. Лед тронулся, дамы и господа. Лед тронулся.

Но здесь в момент апофеоза, когда все подготовлено и можно стричь самые ценные купоны нашей словесности, проповеднические, вклад с ежегодной капитализацией, язва комического, родимое пятно универсальной человеческой культуры, навеки запирает в домик мадам Грицацуеву, в то время как пафос, любого толка, пусть и разбора невысокого, производственного, женитьбе, браку не мешает. Традиция даже зовет. Сама. Низким грудным голосом. «Позвони мне позвони, позвони, мне ради Бога». Так уж сложилось, в истории великих пафосных идей нет пепла, одна лишь красота. Творцы Нехлюдова или Раскольников к огнепоклонникам не относились.

Лирика большой буквы и красной строки заказывает, и в результате, свободный художник Бережков по воле Александра Бека, преобразуется, становится товарищем Бережковым, весь неистощимый комбинаторский пыл которого, лихое красноречие и все четыреста сравнительно честных способов достижения результата употребляются исключительно и только на то, чтоб крепнул флот воздушный, наш первый в мире пролетарский флот.

Возможный путь советского управленца и организатора, товарища Бендера, в «Теленке» тоже намечен и ясно, и определенно, в последней, романтической, как это и принято перед сдачей крепости и чести, главе.

«В это время они проходили мимо кино „Капиталий“». Остап быстро посмотрел наискось, в сторону, где летом помещалась учрежденная им контора, и издал тихий возглас. Через все здание тянулась широкая вывеска:

ГОСОБЪЕДИНЕНИЕ РОГА И КОПЫТА

Во всех окнах были видны пишущие машинки и портреты государственных деятелей. У входа с победной улыбкой стоял молодец-курьер, не чета Паниковскому. В откры-

тые ворота с дощечкой „Базисный склад“ въезжали трехтонные грузовики, нагруженные доверху кондиционными рогами и копытами. По всему было видно, что детище Остапа свернуло на правильный путь».

Какая перспектива. Так почему бы не догнать и не перегнать. Вновь купить папочку с тесемками и, засучив рукава, основать на этот раз «ХВОСТЫ И УШИ», не бросить во младенчестве, а пройти все трудности и болезни роста, от черноморского отделения до гособъединения, от гособъединения до главка, от главка до наркомата. Все тем же командором. Дать в жизнь путевку и поставить на ноги. Упортебляя все четыреста сравнительно честных способов борьбы с природой на повышение шерстистости и опушенности высотных шлемов для летчиков-героев Севрюгова, Чкалова и Водопьянова?

Чтоб на любой неверный ультиматом воздушный флот всегда дал правильный ответ.

Такая, сама собой напрашивающаяся фабула финальной третьей части. И старое рабочее название согдится, отлично станет во главе, будет смотреться на обложке, лишь только неколлективистский, индивидуальный «тор» сменит в общей машине нужный и на общий результат работающий «нат». Был бубликом мой слог последний, теперь дюймовой гайкой стал. Да. «Великий комбинат» на радость старику-ребуснику достойно мог бы завершить линкорную линейку «Двенадцать стульев», «Золотой теленок».

И товарищ Бендер, преображенный и полноценный, как в нравственном, так и в идеологическом плане, в голубом эмпеэсовском экспрессе на пути в цэковский санаторий, где миллиард и обеды на чистом животном масле, мог бы, подобно коллеге Бережкову, где-нибудь на перегоне между Горловкой и Хацапетовкой с усмешкой превосходства слушать, жалкие откровения случайного попутчика.

«— Вы не понимаете? Впрочем, некогда и я был молодым. Мечтал быть исключением, нарушителем канонов, дерзновенным автором невиданных вещей... Но разве у нас это возможно?.. Легенда о Калло — это, мой дорогой, реквием, похоронный гимн в честь яркой личности, исключительной индивидуальности, каким нет и не будет места в мире, где мы с вами живем.

Бережкова подмывало затеять дискуссию. Когда-то, горестно макая кисть в заветную баночку эмалевой краски и окрашивая старое жестяное корыто, он хоронил мечты, предавался мыслям, похожим на те, что высказывает сейчас Любарский. Но, черт возьми, разве плоха вторая его, Бережкова, жизнь?! Разве он не обрел снова мечты, дерзания, веру? Э, сеньор Любарский, вы, я вижу, просто не сумели шагнуть во вторую свою жизнь, все скорбите о первой!

Мог бы. Но пепел Чичикова, Павла Ивановича, помещал. Не воплотился великий комбинатор ни в пароход, ни в фабрику-мануфактуру. Остался совсем другим, нематериальном долгим делом. А всему виною чувство комического. Не располагающее к ответственному исполнению ни гражданского, ни супружеского долга. Не подвигающие на преодоление пространства и простора родимой музыки. Мадам Грицацуевой. Дефект восприятия, дисфункция не крупнее шишки под носом нефтяного дея, но как результат, рождались и рождаются, надо признать, в нашей литературе сплошь и рядом художественные произведения незаконченными, недоведенными до точки, от которых, во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы...

И в самом деле, если подумать, что толку от бессмертия? Бессмертия только и исключительно от этой незаконченности и проистекающего? А все остальное, а все остальное — финал. Конец и больше ничего.